

VII. Конференция союзников.

Вторник, 9 января.

Сэр Джордж Бьюкенен, который не меньше моего встревожен положением, полагает, что император окажется, может быть, чувствительным к совету своего кузена, короля Англии; и он подсказал Бальфуру мысль добиться, чтобы король послал личную телеграмму царю; передавая эту телеграмму, Бьюкенен устно сделал необходимые комментарии. Бальфур одобрил этот план, и мой коллега только-что испросил аудиенцию у императора.

Среда, 10 января.

Около месяца тому назад великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла, была принята императрицей и, чувствуя ее менее обыкновенного замкнутой, рискнула заговорить с ней о больших вопросах:

— С болью и ужасом, — сказала она, — я констатирую всюду распространенное неприязненное отношение к вашему величеству.

Императрица прервала ее:

— Вы ошибаетесь, моя милая. Впрочем, я и сама ошибаюсь. Еще совсем недавно я думала, что Россия меня ненавидит. Теперь я осведомлена. Я знаю, что

меня ненавидит только петроградское общество, это развратное, нечестивое общество, думающее только о танцах и ужинах, занятое только удовольствиями и адюльтером, в то время как со всех сторон кровь течет ручьями... кровь... кровь...

Она как будто задышалась от гнева, произнося эти слова; она вынуждена была на мгновение остановиться. Затем она продолжала:

— Теперь, напротив, я имею великое счастье знать, что вся Россия, настоящая Россия, Россия простых людей и крестьян—со мной. Если бы я показала вам телеграммы и письма, которые я получаю ежедневно со всех концов империи, вы тогда увидели бы. Тем не менее, я благодарю вас за то, что вы откровенно поговорили со мной.

Бедная царица не знает, что Штюмеру пришла в голову гениальная мысль, подхваченная и развитая Протопоповым, заставлять через „охранку“ отправлять ей ежедневно десятки писем и телеграмм в таком стиле:

— „О, любезная государыня наша, мать и воспитательница нашего обожаемого царевича!... Хранительница наших традиций!... О, наша великая и благочестивая государыня!... Защити нас от злых!... Сохрани нас от врагов... Спаси Россию“...

На этих днях ее сестра, вдова великого князя Сергея, игуменья Марфо-Мариинской обители, нарочно приехала из Москвы, чтоб рассказать ей о растущем в московском обществе раздражении и обо всем, что затевается под сенью Кремля.

Она встретила со стороны императора и императрицы ледяной прием: она была так поражена этим, что спросила:

— Так я лучше бы сделала, если бы не приезжала?

— Да, — сухо ответила императрица.
— Мне лучше уехать?
— Да, с первым поездом, — резко заметил император.

Трепов, неоднократно настаивавший на своем увольнении, получил вчера „отставку“. Его преемник — князь Николай Дмитриевич Галицын принадлежит к крайним правым государственного совета. До сих пор его карьера была исключительно административной... и незаметной. Говорят, он человек серьезный и честный, но слабый и беззаботный.

Дело союзников теряет в Трепове свою самую сильную гарантию. И я боюсь, что и царская монархия тоже теряет в этом лояльном и суровом слуге свою последнюю поддержку, свою последнюю защиту...

Четверг, 11 января.

Вчера великая княгиня Мария Павловна передала мне приглашение позавтракать у нее вместе с моим первым секретарем Шарлем де-Шанбрэн.

В час без нескольких минут я прибыл во дворец великого князя Владимира.

Я начинаю подниматься по лестнице, когда генерал Кнорринг, состоящий при особе великой княгини, поспешно сходит ко мне навстречу и передает какое-то письмо какому-то полковнику, который быстро удаляется.

— Извините, что я не встретил вас в вестибюле. Мы переживаем такие важные моменты.

Я замечаю его землистый цвет лица, его вытянувшееся лицо.

Мы не поднялись вместе и на четыре ступеньки, как у входной двери появляется другой полковник; Кнорринг сейчас же спускается снова вниз.

Добравшись до верхней площадки, я вижу через широко открытую дверь салона великолепную декорацию Невы, Петропавловский собор, бастионы крепости, государственную тюрьму. В амбразуре окна прелестная m-elle Олив, фрейлипа великой княгини, сидит, глубоко задумавшись, лицом к крепости; она не слышит моего прихода.

Я прерываю ее задумчивость:

— Mademoiselle, я только что узнал, если не ваши мысли, то, по крайней мере, направление ваших мыслей. Мне кажется, вы очень внимательно смотрите на тюрьму.

— Да, я смотрю на тюрьму. И в такое время нельзя удержаться, чтоб не смотреть на нее.

Она прибавляет со своей милой улыбкой, обращаясь к моему секретарю.

— Г-н Шанбрен, когда я буду там, напротив, на тюремной соломе, вы придете меня навестить?

В час десять минут великая княгиня, обычно такая точная, входит, наконец, со своим третьим сыном великим князем Андреем. Она бледна, похудела.

— Я опоздала,—говорит она,—но это не моя вина. Вы знаете, вы догадываетесь, какие я переживаю волнения... Мы поговорим спокойно после завтрака. А пока говорите со мной о войне. Что вы о ней думаете?

Я ей отвечаю, что, несмотря на неизвестность и затруднения настоящего момента, я сохраняю непоколебимую веру в нашу конечную победу.

— Ах, какое удовольствие доставляют мне ваши слова!

Докладывают о том, что завтрак подан. За столом нас шесть человек: великая княгиня, я, великий князь Андрей, m-elle Олив, Шанбрен и генерал Кнорринг.

Разговор сначала не вяжется. Затем мало-по-малу обиняком мы касаемся сюжета, который занимает всех нас: внутреннего кризиса, великой грозы, циклона, который начинается на горизонте.

После завтрака великая княгиня предлагает мне кресло возле своего и говорит мне:

— Теперь поговорим.

Но подходит слуга и докладывает, что прибыл великий князь Николай Михайлович, что его пригласили в соседний салон. Великая княгиня извиняется передо мной, оставляет меня с великим князем Андреем и выходит в соседнюю комнату.

В открытую дверь я узнаю великого князя Николая Михайловича: лицо его красно, глаза серьезные и пылают, корпус выпрямлен, грудь выпячивается вперед, поза воинственная.

Пять минут спустя великая княгиня вызывает сына.

Мы остаемся одни: m-lle Олив, генерал Кнорринг, Шанбрен и я.

— У нас тут настоящая драма,—говорит нам m-lle Олив.—Вы заметили, какой потрясенный вид был у великой княгини? О чем пришел говорить с ней великий князь Николай?

В два часа без десяти минут входит великая княгиня, дыхание у нее прерывается. Делая усилия, чтобы казаться спокойной, она засыпает меня расспросами о моей последней аудиенции у императора.

— Так вы не могли,—спрашивает она меня,—говорить с ним о внутреннем положении?

— Нет, он хранил упорное молчание по этому вопросу. Один момент после многих околичностей, мне казалось, что мне удастся заставить его выслушать

меня. Но он перебил меня вопросом, не получил ли я в последнее время известий о царе Фердинанде.

— Это ужасно!—сказала она, опуская руки с жестом безнадежности.

Помолчав, она продолжает:

— Что делать?... Кроме той, от которой все зло, никто не имеет влияния на императора. Вот уже пятнадцать дней мы все силы тратили на то, чтобы попытаться доказать ему, что он губит династию, губит Россию, что его царствование, которое могло бы быть таким славным, скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы, однако, сделаем попытку коллективного обращения,—выступления императорской фамилии. Именно об этом приходил говорить со мной великий князь Николай.

— Ограничится ли дело платоническим обращением?

Мы молча смотрим друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что она отвечает с жестом ужаса:

— Боже мой! Что будет?...

И она остается мгновенье безмолвной, с растерянным видом. Потом она продолжает робким голосом:

— Не правда ли, я могу в случае надобности рассчитывать на вас?

— Да.

Она отвечает торжественным тоном:

— Благодарю вас.

Нас прерывает слуга. Великая княгиня объясняет мне, что вся императорская фамилия собралась в соседнем салоне и ждет только ее, чтоб приступить к совещанию. В заключение она произносит следующие слова:

— Теперь просите бога, чтоб он защитил нас.

Рука, которую она мне протягивает, вся дрожит.

Пятница, 12 января.

Меня уверяют с разных сторон, что позавчера было совершенно покушение на императрицу во время обхода госпиталя в Царском Селе и что виновник покушения—офицер—был вчера утром повешен. О мотивах и обстоятельствах этого акта—абсолютная тайна.

Все члены императорской фамилии, в том числе и вдовствующая королева греческая, собравшиеся вчера у великой княгини Марии Павловны, обратились к императору с коллективным письмом.

Это письмо, составленное в самых почтительных выражениях, указывает царю на опасность, которой подвергает Россию и династию его внутренняя политика; оно кончается мольбой о помиловании великого князя Дмитрия, дабы избежать великих опасностей.

Сазонов, которому я днем сделал визит, говорит мне:

— Путь, на который вступил император, не имеет выхода. Если судить по нашим историческим прецедентам, открывается эра покушений. С точки зрения войны нам придется туго; потрясение будет сильное; но затем все пойдет хорошо... Я сохраняю непоколебимую веру в нашу конечную победу.

Суббота, 13 января 1917 г.

Сэр Джордж Бьюкенен был принят вчера императором.

Сообщив ему о серьезных опасениях, которые внутреннее положение России внушает королю Георгу и британскому правительству, он просил у него позволения говорить с полной откровенностью.

Этими первыми фразами они обменялись стоя. Не приглашая Бьюкенена сесть, император сухо ответил ему:
— Я вас слушаю.

Тогда голосом очень твердым и проникновенным Бьюкенен изобразил ему огромный вред, причиняемый России, а, следовательно, и ее союзникам смутой и тревогой, которые распространяются во всех классах русского общества. Он не побоялся разоблачить интриги, которые немецкие агенты поддерживают вокруг императрицы и которые лишили его расположения ее подданных; он напомнил злосчастную роль Протопопова и пр. Наконец, заявляя о своей личной преданности царю и царице, он заклинал императора не колебаться между двумя дорогами, которые открываются перед ним, из которых одна ведет к победе, а другая к самой ужасной катастрофе.

Император, чопорный и холодный, прервал молчание лишь для того, чтоб формулировать два возражения. Вот первое:

— Вы мне говорите, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие?...

Вот второе:

— Вы, повидимому, думаете, что я пользуюсь чьими-то советами при выборе моих министров. Вы ошибаетесь; я один их выбираю...

После этого он положил конец аудиенции следующими простыми словами:

— Благодарю вас, господин посол!

В сущности император выражал лишь чистую теорию самодержавия, в силу которой он занимает престол. Весь вопрос в том, сколько времени он еще останется на троне в силу этой теории.

Вот буквально ответ императора на письмо, с которым императорская фамилия обратилась к нему третьего дня:

— Я не допускаю, чтоб мне давали советы. Убийство всегда убийство. Я знаю, впрочем, что у многих, подписавших это письмо, совесть не чиста.

Воскресенье, 14 января.

Сегодня первый день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипломатического корпуса.

Жестокий холод:—38.

Лошади, впряженные в придворные экипажи, ожидающие нас перед императорским вокзалом, обледенели. И до самого Большого дворца я не различаю ничего из пейзажа,—такими непроницаемыми стали стекла от толстого слоя снега.

В тот момент, когда мы вступаем в большую залу, в которой должно было происходить торжество, церемониймейстер Е., горячий патриот, пылкий националист, который часто приходил ко мне изливать свое отвращение к Распутину и свою ненависть к германофильской партии, дрожащим голосом шепчет мне на ухо:

— Ну, что же, господин посол, не прав ли я был, повторяя месяцами, что нашу великую, святую Русь ведут к пропасти?... Неужели вы не чувствуете, что мы теперь совсем близки к катастрофе?...

Едва мы заняли наши места, как появляется император, окруженный своими генерал-адъютантами и высшими сановниками. Он проходит по очереди перед персоналом каждого посольства, каждой миссии. Ба-

нальный обмен пожеланий и поздравлений, улыбок и рукопожатий. Николай II держит себя, как всегда, приветливо и просто, принимая даже вид непринужденный; но бледность и худоба его лица обнаруживают истинный характер его затаенных мыслей.

В тот момент, когда он кончает свой обход, я говорю с моим итальянским коллегой, маркизом Карлотти, и мы одновременно делаем одно и то же наблюдение: во всей пышной и покрытой галунами свите, сопровождающей царя, нет ни одного лица, которое не выражало бы тревоги...

Отвозя нас обратно на императорский вокзал, наши экипажи проезжают мимо небольшой, живописной и одинокой, церкви в московском стиле. Это Федоровский собор, в нижнем этаже которого, в таинственном склепе находится любимая моельня Александры Федоровны... Уже темно. Под толстым снежным саваном смутно выделяется во мраке купол храма... Я думаю о всех экзальтированных вздохах и покаянных коленопреклонениях императрицы, свидетелями которых были стены храма. И мне кажется, будто я вижу, как призрак Распутина бродит вокруг паперти.

Понедельник, 15 января.

Великий князь Николай Михайлович выслан в свое имение Грушевку, Херсонской губернии, находящуюся удаленно от всякого города и даже от всякого жилища.

Царский приказ объявлен был вчера, несмотря на новогоднее торжество. Ему не было предоставлено никакой отсрочки и он уехал в тот же вечер.

При получении известия об этом, мне тотчас приходит на память один исторический прецедент. 19 ноя-

бря 1787 г. Людовик XVI выслал герцога Орлеанского в его имение Виллер-Коттрэ, чтоб наказать его за то, что он заявил в парижском парламенте, что только генеральные штаты имеют право разрешить королю дополнительные налоги. Так неужели Россия дошла до 1787 г.?—Нет!... Она зашла уже гораздо дальше.

Подвергая суровому наказанию великого князя Николая Михайловича, император хотел, очевидно, терроризировать императорскую фамилию и ему это удалось, потому что она в ужасе; но Николай Михайлович не заслужил, может быть, „ни эту чрезмерную честь, ни эту обиду“. В сущности он не опасен. Решающий кризис, который переживает царизм в России, требует Ретца или Мирабо. А Николай Михайлович скорее критик и фрондер, чем заговорщик; он слишком любит салонные эпиграммы. Он не является ни в малейшей степени человеком риска и натиска.

Как бы там ни было, заговор великих князей дал осечку. Член думы Маклаков был прав, когда говорил третьего дня г-же Д., от которой я узнал об этом:

— „Великие князья не способны согласиться ни на какую программу действий. Ни один из них не осмеливается взять на себя малейшую инициативу и каждый хочет работать исключительно для себя. Они хотели бы, чтобы Дума зажгла порох... В общем итоге, они ждут от нас того, чего мы ждем от них“.

Среда, 17 января.

Покровский имел вчера продолжительную аудиенцию у императора. Он изложил ему в энергичных выражениях невозможность для него принять на себя при настоящих обстоятельствах ответственность за внешнюю политику. Ссылаясь на все свое прошлое, на свою

дойяльность и преданность, он умолял императора не следовать дальше гибельным советам Протопопова; он даже молил его, ломая руки, открыть глаза на „неминуемую катастрофу“.

Очень кротко выслушав его, царь велел ему сохранить свои функции, уверяя его, что „положение не так трагично и что все устроится“.

Вчера вечером его величество принял своего нового председателя совета министров.

Князь Николай Голицын, безукоризненно порядочный человек, несколько раз отказывался от поста председателя совета министров, но он был ему навязан „по высочайшему повелению“. Поэтому он считал себя в праве объяснить вполне откровенно с императором; он нарисовал ему самую мрачную картину состояния умов, царящего в России, в особенности в Москве и Петрограде; он не скрыл от него, что жизнь царя и царицы в опасности и что в московских полках открыто говорят об объявлении другого царя. Император принял эти заявления с невозмутимой беспечностью; он возразил только:

— Императрица и я знаем, что мы в руке божией. Да будет воля его!

Князь Голицын закончил мольбой императору принять его отставку. Он получил тот же ответ, что и Покровский.

В это время императрица молилась на могиле Распутина. Ежедневно в сопровождении г-жи Вырубовой, она там погружается в продолжительную молитву.

Суббота, 20 января.

Наследный румынский принц Кароль и председатель совета министров Братиано только-что прибыли в Петроград.

Министр иностранных дел поспешил принять Братиано. Их беседа была очень сердечна. С первых же слов Братиано объявил Покровскому свое решение установить на прочных основаниях союз между Россией и Румынией:

— Этот союз, — сказал он, — не должен ограничиваться настоящей войной; я горячо желаю, чтоб он продоллся и в будущем.

Принц Кароль и Братиано приглашены царем и царицей завтра к обеду.

Воскресенье, 21 января.

Император дал дружески понять своей тетке, великой княгине, что его двоюродным братьям, великим князьям Кириллу и Андрею, следовало бы в собственных интересах удалиться на несколько недель из Петрограда.

Великий князь Кирилл, морской офицер, „исходатайствовал“ себе инспекторскую командировку в Архангельск и Колу; великий князь Андрей, у которого слабая грудь, поедет на Кавказ.

Сазонов назначен послом в Лондон, вместо недавно умершего графа Бенкендорфа.

Вторник, 23 января.

Обедал в Царском Селе у великого князя Павла.

По выходе из-за стола великий князь уводит меня в отдаленный небольшой салон, чтоб мы могли поговорить наедине. Он делится со мной своими тревогами и печалью.

— Император более, чем когда-либо, находится под влиянием императрицы. Ей удалось убедить его, что неприязненное отношение, которое распространяется

против нее и которое, к несчастью, начинает захватывать и его, только заговор великих князей и салонный бунт. Это не может кончиться иначе, как трагедией... Вы знаете мои монархические взгляды и то, насколько священным является для меня император. Вы должны понять, как я страдаю от того, что происходит, и от того, что готовится...

По тону его слов, по его волнению, я вижу, что он в отчаянии от того, что его сын Димитрий замешан в прологе драмы. У него неожиданно вырывается:

— Не ужасно ли, что по всей империи жгут свечи перед иконой св. Димитрия и называют моего сына „освободителем России?“

Идея, что завтра его сын может быть объявлен парем, кажется, даже не приходит ему в голову. Он остается таким, каким он всегда был: вполне лояльным и рыцарски благородным.

Он рассказывает мне, что, узнав в Могилеве об убийстве Распутина, он сейчас вернулся с императором в Царское Село.

Прибыв на вокзал 31 декабря к концу дня, он застал на платформе принцессу Палей, которая сообщила ему, что Димитрий арестован в своем дворце в Петрограде. Он немедленно попросил аудиенцию у императора, который согласился принять его в тот же вечер в одиннадцать часов, но „только на пять минут“, так как ему было очень некогда.

Введенный к своему августейшему племяннику, великий князь Павел энергично протестовал против ареста своего сына:

— Никто не имеет права арестовать великого князя без твоего формального приказа. Прикажи его освободить, прошу тебя... Неужели ты боишься, что он убежит?

Император уклонился от всякого точного ответа и прекратил разговор.

На следующий день утром великий князь Павел отправился в Петроград обнять своего сына во дворце на Невском проспекте. Там он спросил его:

— Ты убил Распутина?

— Нет.

— Ты готов поклясться пред святой иконой Богородицы и над портретом твоей матери?

— Да.

Тогда великий князь Павел протянул ему икону Богородицы и портрет покойной в. к. Александры.

— Теперь, поклянись, что не ты убил Распутина.

— Клянусь.

Рассказывая мне это, великий князь был поистине трогателен в своем благородстве, наивности и достоинстве. Он закончил следующими словами:

— Я ничего больше не знаю о драме и ничего больше не хотел знать.

На обратном пути по железной дороге в Петроград, я разговариваю с г-жей П. обо всем, что сказал мне великий князь Павел:

— Я еще больше пессимистка, чем он, — заявляет она мне с сверкающими глазами. — Трагедия, которая готовится, будет не только династическим кризисом, это будет страшная революция, и мы не уйдем от нее... Попомните сделанное мною предсказание: катастрофа близка.

Я тогда цитирую зловещее пророчество, которое ослепление Людовика XVI и Марии Антуанеты внушило Мирабо уже в сентябре 1789 г.: „Все пропало. Король и королева погибнут; чернь будет издеваться над их трупами“.

Она продолжает:

— Если-б у нас был, по крайней мере, Мирабо!

Четверг, 25 января.

Самые преданные слуги царизма и даже некоторые из тех, кто обычно составляет общество царя и царицы, начинают приходить в ужас от оборота, какой принимают события.

Так, я узнаю из очень верного источника, что адмирал Нилов, генерал-адъютант императора и один из самых преданных его приближенных, имел недавно мужество открыть ему всю опасность положения; он дошел до того, что умолял удалить императрицу, как единственное остающееся еще средство спасти империю и династию. Николай II, обожающий свою жену и рыцарски благородный, отверг эту идею с резким негодованием:

— Императрица,—сказал он,—иностранка; у нее нет никого, кроме меня, для того, чтоб защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину... Впрочем, все, в чем ее упрекают, неверно. На ее счет распространяют гнусные клеветы; но я сумею заставить ее уважать...

Вмешательство адмирала Нилова тем более поразительно, что до последнего времени он всегда был за императрицу. Он был большим приятелем с Распутиным и очень связан со всей его шайкой; он аккуратно являлся на знаменитые обеды по средам у финансиста Мануса: на нем, значит, лежит большая доля ответственности за презрение и позор, которые пали в настоящее время на императорский двор. Но, в сущности, это хороший человек и патриот: он видит, наконец, пропасть, открывающуюся перед Россией, и пытается, слишком поздно, очистить свою совесть.

Пятница, 26 января.

Старый князь С., маэстро в оккультизме, имел в эти последние вечера удовлетворение вызвать дух Распутина.

Он тотчас пригласил министра внутренних дел Протопопова и министра юстиции Добровольского, которые не замедлили явиться. С тех пор все трое ежевечерно остаются часами взаперти, прислушиваясь к торжественным речам усопшего.

Какой странный человек этот старый князь С!.. Сутулый стан, лысая голова, нос крючком, землистый цвет лица, острые и угрюмые глаза, впалые щеки, медленный загробный голос, зловещий вид,—настоящий тип некроманта.

На похоронах графа Витте, два года тому назад, видели, как он в течение нескольких минут созерцал высокомерное лицо покойника—по православному обычаю гроб оставался открытым; затем слышали, как он произнес своим могильным голосом: „Мы заставим тебя прийти сегодня вечером“...

Понедельник, 29 января.

Делегаты Франции, Англии и Италии на конференции союзников прибыли сегодня утром в Петроград. Они употребили только три дня на дорогу от Порты Романова; их поезд—первый, проехавший от одного конца до другого по Мурманской линии.

Предоставив генерала Кастильо заботам моего военного атташе, я везу Думера в Европейскую гостиницу.

Он расспрашивает меня о внутреннем положении России. Я ему описываю его, не щадя мрачных красок, и прихожу к выводу о необходимости ускорить военные операции.

— С русской стороны, — говорю я, — время больше не работает за нас. Здесь перестают интересоваться войной. Все правительственные пружины, все колеса административной машины портятся один за другим. Лучшие умы убеждены в том, что Россия идет к пропасти. Надо нам спешить.

— Я не знал, что зло пустило такие глубокие корни.

— Вы сами отдадите себе в этом отчет.

Он сообщает мне, что правительство республики хотело бы получить от императора формальное обещание вставить в мирный договор статью, предоставляющую Франции все гарантии, какие она считает нужным обеспечить себе в рейнских провинциях, чтобы застраховать себя от пробуждения в будущем немецкого милитаризма.

После интимного завтрака в посольстве, я веду Думера и генерала Кастельно в министерство иностранных дел, где должно иметь место предварительное и официальное заседание конференции, для установления основных принципов ее работ.

Присутствуют:

От России: г. Покровский, министр иностранных дел; великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии; г. Войновский, министр путей сообщения; г. Барк, министр финансов; генерал Беляев, военный министр; генерал Гурко, начальник Штаба Верховного Главнокомандующего; адмирал Григорьев, морской министр; г. Сазонов, только-что назначенный послом в Лондон, и г. Нератов, товарищ министра иностранных дел;

От Англии: Лорд Мильнер, министр без портфеля; сэр Джордж Бьюкенен; лорд Ревелеток и генерал сэр Генри Вильсон;

От Италии: г. Шалойа, министр без портфеля; маркиз Карлотти и генерал граф Рудженери;

От Франции: г. Думер, министр колоний; генерал Кастельно и я.

С первых же слов становится ясно, что делегаты западных держав получили лишь неопределенные инструкции, у них нет никакого направляющего принципа для координирования усилий союзников, никакой программы коллективного действия для ускорения общей победы. После длинного обмена многословными фразами, пустоту которых каждый чувствует, скромно соглашаются заявить, что недавние конференции в Париже и в Риме определили с достаточной точностью предмет настоящего собрания. Затем принимают постановление о том, что вопросы политического порядка будут изучены первыми делегатами и послами; планы операций будут согласованы генералами; техническая комиссия рассмотрит вопросы о материале, снаряжении, транспорте и пр.; наконец, окончательные решения будут приняты конференцией в пленарном заседании.

Вторник, 30 января.

Император примет завтра членов конференции. А первое официальное заседание назначено на послезавтра.

Большой завтрак на сорок приборов в посольстве.

Время после завтрака проходит в прогулках и визитах.

Председатель румынского совета министров Братиано продлил свое пребывание в Петрограде; он примет официальное участие в работах конференции по всем вопросам, в которых будут затронуты интересы его страны.

В восемь часов обед-гала в министерстве иностранных дел. Князь Николай Голицын, председатель совета министров, присутствует, но в качестве лица без слов, простого статиста. Он несет с абсолютной индифферентностью, с полным равнодушием, возложенные на него тяжелые обязанности. Тем не менее, при условии, что вы не говорите с ним о политике, он отвечает вам с отменной любезностью.

Среда, 31 января.

В одиннадцать часов император принимает членов конференции в малом дворце Царского Села.

Этикет Двора требует, чтобы послы пользовались первенством перед своими миссиями, и порядок представления определяют поэтому по их старшинству.

Три миссии расставлены поэтому кругом в следующем порядке: английская миссия, итальянская миссия, французская миссия.

Английская миссия первая не только по привилегии старшинства Бьюкенена, но и по числу своих членов. Так, она насчитывает двух гражданских делегатов, лорда Мильнера и лорда Ревелстока, тогда как миссии итальянская и французская имеют лишь по одному гражданскому делегату: Шалойа и Думер, и та же английская миссия включает в себе шесть генералов против двух итальянских и двух французских. Тем не менее, с точки зрения военной, Капельно, несомненно, доставляет нам первенство морального и технического авторитета: блестящие услуги, оказанные им в эту войну, славная смерть его трех сыновей, христианский стоицизм его смирения, благородство его характера, его смелое сердце окружают его чело неким ореолом...

Бьюкенен и Карлотти последовательно представляют свои делегации. Я лишний раз замечаю, что император едва обменивается несколькими словами с первыми в ряду, но охотно затягивает свои разговоры со своими собеседниками более скромного ранга.

В свою очередь я представляю ему Думера и слышу из его уст неизбежные вопросы:

— Вы хорошо доехали?... Вы не слишком устали?... Вы первый раз в России?...

Затем несколько незначительных фраз о союзе, войне, победе. Думер, который может только нравиться Николаю II своей откровенностью и сердечной простотой, делает тщетные усилия поднять тон диалога.

С генералом Кастельно император не менее бесцветен; он как будто даже и не подозревает выдающейся роли, которую он играл во Франции, не находит нужным сказать ему ни одного слова о его трех сыновьях, павших на поле брани.

После нескольких приветливых слов младшим чиновникам и офицерам, входящим в состав французской миссии, Николай II уходит. И аудиенция кончена.

На обратном пути в Петроград я наблюдаю у лорда Мильнера, у Шалойа, у Думера одно и то же разочарование от всей этой церемонии.

Внутренно я думаю о том эффекте, который извлек бы из таких обстоятельств монарх, увлеченный своим делом, напр., Фердинанд Болгарский. Я представляю себе всю игру вопросов и инсинуаций, намеков и претензий, излияний и лести, которой предался бы он. Но царь, как я уже часто замечал это, не любит на деле своей власти. Если он ревниво защищает свои самодержавные prerogatives, то это исключительно по причинам мистическим. Он никогда не забывает, что

получил власть от самого бога и постоянно думает об отчете, который он должен будет отдать в долине Иосафата. Эта концепция его державной роли совершенно противоположна той, которую внушило Наполеону знаменитое обращение Редера:

„Я люблю власть; но я ее люблю, как художник; я люблю ее, как музыкант любит свою скрипку, чтоб извлекать из нее звуки, аккорды, гармонии“...

Добросовестность, человечность, кротость, честь, — таковы, кажется мне, выдающиеся достоинства Николая II, но ему не хватает божественной искры.

Четверг, 1 февраля.

Я пригласил на завтрак Коковцева, Трепова, генерала Гурко, Думера и генерала Кастельно.

Оживленный и задумчивый разговор. На сей случай Коковцев спрятал поглубже свой слишком законный пессимизм. Трепов говорит откровенно об опасностях внутреннего кризиса, который переживает Россия; но в его словах, а еще больше, может быть, в его личности такая сила энергии и повелительности, что зло кажется легко поправимым. Генерал Гурко выказывает себя еще более стремительным, чем обыкновенно. Я чувствую, что вокруг меня реет живительная атмосфера, принесенная Думером и Кастельно из Франции.

В три часа заседание конференции в Мариином дворце; мы заседаем в большом круглом зале, выходящем окнами на Исаакиевскую площадь.

Покровский председательствует; но его неопытность в дипломатических делах, его кротость, его скромность мешают ему вести совещание, которое несется по течению. Говорят о Греции, Японии, Сербии, Америке,

Румынии, скандинавских странах и пр. Все это без последовательности, без руководящей идеи, без практического вывода. Несколько раз лорд Мильнер, с которым я сижу рядом, нетерпеливо шепчет мне на ухо: — We are wasting time! Мы теряем наше время.

Но вот председатель дает слово начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего.

Своим звонким и прерывающимся голосом генерал Гурко читает нам ряд вопросов, которые он хочет предложить конференции в области военных операций.

Первый вопрос приводит нас в изумление, так как он формулирован в следующих выражениях: „Должны ли будут кампании 1917 года иметь решительный характер? Или не следует ли отказаться добиться окончательных результатов в течение этого года?“

Все делегаты, французские, английские и итальянские, энергично настаивают на том, чтоб были начаты сильные и согласованные наступления на различных фронтах в возможно кратчайший срок.

Но генерал Гурко дает нам понять, что русская армия не в состоянии будет начать большое наступление до того, как будет подкреплена шестьюдесятью новыми дивизиями, формирование которых было недавно решено. А для того, чтоб эти дивизии составить, обучить и снабдить всем необходимым материалом, понадобятся долгие месяцы, может быть, год. До тех пор русская армия в состоянии будет начать лишь второстепенные операции, которых, однако, достаточно будет для того, чтоб удержать врага на восточном фронте.

Вопрос слишком серьезен, чтобы конференция пожелала высказаться без мотивированного мнения генералов.

Другие вопросы, которые прочитывает нам генерал Гурко, являются лишь следствием первого или имеют отношение к задачам технического характера. Поэтому весь список вопросов передается на рассмотрение в военную комиссию.

Суббота, 3 февраля.

Император принял сегодня в особой аудиенции первых делегатов конференции. Думер энергично высказался за необходимость ускорения общего наступления. Император ответил:

— Я вполне с вами согласен.

Я предпочел бы согласие менее абсолютное, более оттененное, умеренное даже несколькими возражениями.

Думер затронул затем вопрос о левом берегу Рейна. Он основательно развил все стороны: политическую, военную, экономическую этого важного вопроса, который царит, так сказать, в нашей национальной истории, потому что он ставился между Францией и Германией уже в эпоху Лотара, и над знаменитым „договором о дележе“, подписанным в Вердене в 1843 г., нам полезно подумать еще и теперь.

После внимательного рассмотрения Николай II признал законность гарантий, которых мы требуем, и обещал содействовать тому, чтоб они были включены в мирный договор.

Думер заявил затем, что союзники должны были бы сговориться на счет того, чтоб не признавать за Гогенцоллернами права говорить от имени Германии, когда наступит время для переговоров. Эта идея, которую император давно лелеял и о которой он несколько раз говорил со мной, и он обещал Думеру поручить рас-

смотреть вопрос с точек зрения исторической и юридической своему министру иностранных дел.

Далее обменялись несколькими словами о будущем союзе, о братских чувствах, соединяющих с этих пор и навсегда Францию и Россию, и пр. После этого аудиенция кончилась.

В восемь часов парадный обед в Александровском дворце. По правде сказать, торжественность выражается только в ливреях, освещении и серебре; меню отличается крайней простотой, совершенно буржуазной простотой, которая составляет контраст всегдашней роскоши императорской кухни, но к которой принуждают моральные обязательства во время войны.

У царя лицо, какое бывает у него в хорошие дни: он боится, говорят мне, как бы делегаты не заставили его выслушать какой-нибудь неприятный совет на счет внутренней политики; теперь он спокоен. Царица больна и осталась в своих апартаментах.

За столом император сидит между Бьюкененом направо и Карлотти налево. Граф Фредерике, министр Двора, занимает место напротив его величества; я сижу направо от него, а направо от меня князь Николай Голицын, председатель совета министров.

Старый и славный граф Фредерике, очень утомленный годами, рассказывает мне, как он страдает от нападков прессы и салонных эпиграмм, которые представляют его немцем:

— Во-первых,—говорит он мне,—моя семья не немецкого происхождения, а шведского; кроме того, она более столетия, с царствования Екатерины Великой, находится на русской службе.

Точнее будет сказать, что его семья родом из шведской Померании и дала длинный ряд покорных слуг

русского самодержавия. Он, следовательно, прекрасно представляет ту касту „балтийских баронов“, которые с царствования Анны Иоанновны управляют Россией, все очень преданные лично царям, но имеющие мало общего с русской душой и почти все имеющие родственников на военной или гражданской службе в Германии. Привязанность к династии Романовых у них не только традиция и семейная добродетель: это смысл их существования.

Поэтому меня не удивляет наивное заявление, сделанное мне за десертом графом Фредериксем:

— Конференция должна была бы придти к соглашению на счет того, чтобы после войны союзники взаимно оказывали друг другу помощь в случае внутренних беспорядков. Мы все заинтересованы в том, чтоб бороться с революцией.

Он не ушел дальше священного союза; он отстал лишь всего на одно столетие: *O, sancta et senilis simplicitas!*

Наконец, обед кончается. Переходят в смежный салон, где подано кофе.

Император закуривает папиросу и переходит от одной группы к другой. Лорд Мильнер, Шалойа, Думер, генерал Кастельно, лорд Ревелсток, генерал Руджери, генерал Вильсон, трое послов, по очереди удостоиваются нескольких любезных слов, но больше ничего, так как он долго не остается ни с кем.

Пока развертываются эти поверхностные разговоры, императрица по очереди принимает в своем апартаменте первых делегатов. Она была очень любезна с Думером и сказала ему в заключение: „Пруссия должна быть наказана“.

Несколько раньше десяти часов Николай II возвращается на середину салона, затем делает знак ми-

нистру Двора и самой любезной своей улыбкой прощается с присутствующими.

Понедельник, 5 февраля.

У меня завтракают: Думер, председатель Думы Родзянко, председатель румынского совета министров Братиано, несколько членов Государственного Совета, в том числе граф Алексей Бобринский и Михаил Стахович, финансист Путилов и пр.

Кроме Путилова, который замкнулся в красноречивом молчании, все мои русские гости обнаруживают оптимизм, от которого они были очень далеки всего несколько дней тому назад. Впрочем, со времени прибытия иностранных делегатов, то же оптимистическое течение циркулирует в петроградском обществе. Но, увы, как только они уедут, барометр опять опустится до самой низшей точки. Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению, как народ русский.

Братиано сносит с замечательной твердостью души несчастье своей родины и бремя своей личной ответственности. Несчастье делает его великим.

Сегодня вечером большой обед на сто пятнадцать приборов в Военном клубе. Чтобы заседать на дипломатической конференции, первое условие — иметь хороший желудок. Уходя, я повторяю лорду Мильнеру его фразу, сказанную им на днях:

— We are wasting time! Мы теряем свое время.

Среда, 7 февраля.

Работы конференции проходят неинтересно. Из всего этого дипломатического словоизвержения не получается никакого положительного результата. Например, ищут формул, чтоб побудить Японию увеличить свою помощь.

Одна только техническая комиссия по снаряжению и транспорту делает полезную работу. Но потребности русского генерального штаба превосходят все предвидения, а его требования еще превосходят его потребности. Вопрос, по-моему, не столько в том, чего России недостает, сколько в том, чтоб проверить, что она способна утилизировать. Зачем ей посылать пушки, пулеметы, снаряды, аэропланы, которые нам так нужны, если у нее нет ни возможности доставить их на фронт, ни воли воспользоваться ими?

Между генералом Кастельно и генералом Гурко полное доверие. Генерал Кастельно настаивает на том, чтоб русское наступление началось к 15 апреля, чтобы совпало с французским наступлением; но генерал Гурко считает невозможным начать операцию в значительном масштабе раньше 15 мая...

Четверг, 8 февраля.

Я пытаюсь доставить Думеру возможно полный обзор русского общества, знакомя его с самыми характерными представителями его. Сегодня утром я собираю вокруг него за моим столом: генерала Поливанова и великого математика Васильева, либеральных членов Государственного Совета, а также Милюкова, Маклакова и Шингарева, лидеров кадетской партии в Думе.

Разговор, очень свободный и оживленный, касается главным образом внутренней политики.

Одно мгновение Думер, считая, что мои гости слишком возбуждены, слишком уже рвутся начать бой с царизмом, проповедует им терпение.

При одном слове „терпение“, Милюков и Маклаков вскакивают, как ужаленные:

— Довольно терпения!... Мы истощили все свое терпение... Впрочем, если мы не перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать.

И Маклаков вспоминает слова Мирабо: „Берегитесь просить отсрочки. Несчастье никогда ее не ждет“.

Думер очень благоразумно продолжает:

— Я говорил о терпении, а не о покорности... Я понимаю ваши тревоги, вашу досаду и крайнюю, затруднительность вашего положения. Но прежде всего думайте о войне!

Я замечая, что Маклаков, уроженец Москвы, депутат Москвы, тип истого москвича, не говорит никогда Петроград, а Петербург, и я спрашиваю его, почему.

— Потому, что его настоящее имя Петербург; это— немецкий город, который не имеет права называться славянским именем. Я буду называть его Петроградом, когда он это заслужит...

Пятница, 9 февраля.

Князь О. прибыл из Костромы, где у него крупные дела в области сельского хозяйства и мануфактурного производства. Старый город Кострома, который высится на левом берегу Волги между Ярославлем и Нижним-Новгородом, богат воспоминаниями: он когда-то служил убежищем и цитаделью для Романовых; в нем хранится в знаменитом Ипатьевском монастыре прах героического крестьянина Сусанина, легенда о котором прославлена „Жизнью за царя“. Это—одна из тех губерний империи, где династический лоялизм наиболее живуч, где сохраняются в наибольшей неприкосновенности наследственные наклонности, общественные привычки и национальные чувства русского народа. Мне

поэтому интересно знать настроение умов в этом районе. К тому же мне лучше всего обратиться к князю О., потому что он отличается умением разговаривать с мужиками. На мои вопросы он отвечает:

— Плохо... Устали от войны; ничего больше в ней не понимают, кроме того, что победа невозможна. Однако, еще не требуют мира. Я чувствовал всюду унылое и покорное недовольство... Убийство Распутина произвело сильное впечатление на массы.

— А! А какого рода впечатление?

— Это очень интересное явление и характерное для русской традиции. Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа; он доводил до царя голос народа; он защищал народ против придворных; и вот придворные его убили. Вот что повторяется во всех избах.

— Но в Петрограде народ был в восторге, узнав о смерти Гришки. Бросились даже в церкви возжигать свечи перед иконой св. Димитрия, потому что тогда думали, что великий князь Димитрий убил „собаку“.

— В Петрограде слишком хорошо знали об оргиях Распутина. И потом, радуясь его смерти, они в некотором роде манифестировали против императора и императрицы. Но я представляю себе, что, в общем, все русские мужики думают, как костромские..

Суббота, 10 февраля.

Братиано сегодня вечером покинул Петроград, чтобы вернуться прямо в Яссы.

Когда он пришел проститься со мной, я нашел его в душевном состоянии, которое делает ему честь, т.-е.

спокойным, грустным и решительным. Ни одной напрасной жалобы; никакой попытки личной защиты. Он видит и судит положение с совершенной объективностью; он, впрочем, заявил, что он очень доволен разнообразными беседами, которые он имел с министрами императора и членами междусоюзной конференции. Но в особенности он рад был внимательному и сердечному доверию, которое выказал ему генерал Гурко: он слишком умен, чтоб не заметить, что вся политика России по отношению к Румынии находится отныне в прямой зависимости от военного верховного командования и он очень ловко подружился с начальником штаба. У меня, однако, не остается впечатления, чтобы во время своих переговоров с генералом Гурко он успел добиться практического результата по двум вопросам, встающим в настоящее время во всей их величайшей неотложности: 1) о снабжении продовольствием гражданского населения Молдавии; 2) о возобновлении операций в северных Карпатах и в районе Дуная.

Меня уверяют, что во время своего пребывания в Петрограде Братиано запросил императора о его возможном согласии на брак великой княгини Ольги с принцем Каролем, вероятным наследником. Проект этого брака выдвигался уже несколько раз. Ответ императора был довольно благосклонен: „Я не буду возражать против этого брака, если моя дочь и принц Кароль понравятся друг другу“.

Понедельник, 12 февраля.

Пользуясь тем, что генералы уехали осмотреть галицийский фронт, гражданские делегаты конференции осматривали Москву.

Вторник, 13 февраля.

Одиннадцать рабочих, входящих в состав центрального комитета военной промышленности, арестованы по обвинению в том, что они „подготавливали революционное движение, имеющее целью объявление республики“.

Аресты этого рода нередки в России; но обычно публика о них ничего не знает. После тайной процедуры обвиняемые заключаются в государственную тюрьму или ссылаются вглубь Сибири; ни одна газета об этом не говорит; часто даже семья не знает, что случилось с исчезнувшими. И молчание, обычно окружающее эти короткие расправы, много содействовало установлению трагической репутации „охранки“. На этот раз отказались от тайны. Сенсационное сообщение возвестило прессе арест одиннадцати рабочих. Протопопов хотел таким путем доказать, что он занят спасением царизма и общества.

Суббота, 17 февраля.

Генерал Бертело, глава французской военной миссии в Румынии, только-что прибыл в Петроград для совещания с генералом Кастельно и генералом Гурко.

Вот уже четыре месяца, как генерал Бертело фактически руководит операциями и реорганизацией румынской армии. При самых неблагоприятных, самых отчаянных условиях он всем внушал уважение своей рассудительной и методической активностью, своим холодным умом, своей неизменной и заразной уверенностью, своей упорной и спокойной энергией. Когда Румыния оправится от своего настоящего испытания, он окажется одним из лучших работников по ее восстановлению...

Вторник, 20 февраля.

У меня завтракают в строго интимном кругу Думер и генерал Кастельно. Так как они—тонкие лабонки и их происхождение связывает одного с Лангедоком, другого с Гасконью, я их угощаю буйабессом по-фокайски, кассулетом по-тулузски, сальми из рябчиков по-провансальски, белыми грибами по-бордоски, все это орошенное шато икемом и мутон-д'армайак.

Мы вспоминаем период, предшествовавший войне. Думер, бывший в то время председателем совета министров и министром иностранных дел, один из первых, кто увидел, кто согласился увидеть угрожавшую действительность.

После завтрака я расспрашиваю генерала Кастельно о впечатлениях, какие он вынес с фронта и о ценности содействия, какого мы можем ждать от России.

— Дух войск,—говорит он,—показался мне превосходным; люди сильны, хорошо вытренированы, полны мужества, с прекрасными светлыми и кроткими глазами... но высшее командование плохо организовано, вооружение совершенно недостаточное, служба транспорта желает многого. И что может быть еще важнее, так это—слабость технического обучения. Недостаточно освободились от устаревших методов; русская армия отстала больше чем на год от наших западных армий; она отныне неспособна провести наступление в большом масштабе...

Среда, 21 февраля.

После бесконечной серии завтраков, обедов, приемов в посольстве, в министерстве финансов, в русско-французской Торговой Палате, в квартире председателя совета министров, в городской думе, у великой княгини

Марии Павловны, в яхт-клубе и проч. иностранные делегаты отправляются, наконец, обратно на Запад.. через арктический Ледовитый океан.

Результат этой конференции, вокруг которой было одновременно столько таинственности и столько шума, скудный. Обменялись мнениями о блокаде Греции, о недостаточности японской помощи, о вероятной ценности американского вмешательства, о критическом положении Румынии, о необходимости более тесного и более действительного соглашения между союзниками; измерили огромные потребности русской армии в области материальной и стоворились по возможности удовлетворить их. Вот и все.

Когда Думер и генерал Кастельно пришли проститься со мной, я дал им поручение.

— Благоволите передать от моего имени г. президенту республики и г. председателю совета министров, что вы меня оставляете в большой тревоге. В России готовится революционный кризис; он чуть было не разразился пять недель тому назад; он только отложен. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, и анархистский дух распространяется во всех классах, даже в армии. Приблизительно в конце октября в Петрограде произошел очень показательный инцидент, о котором я осведомил г. Бриана. На Выборгской стороне вспыхнула стачка, и полиция была сильно потрепана рабочими; вызвали два пехотных полка, расквартированных по соседству. Эти два полка стреляли в полицию. Пришлось поспешно вызвать дивизию казаков, чтобы образумить мятежников. Следовательно, в случае восстания нельзя рассчитывать на армию.. Мой вывод, что время больше не работает за нас, по крайней мере, в России, что

мы должны уже теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы.

— Я не менее вас пессимистичен,—отвечает мне Думер,—я не только передам все ваши слова г. президенту республики и г. Бриану, но я их подтвержу.

Пятница, 23 февраля.

Едва иностранные делегаты покинули Петроград, как горизонт на Неве снова омрачился.

Государственная Дума должна возобновить свои занятия в ближайший вторник, 27 февраля, и это вызывает возбуждение в промышленных районах. Сегодня агитаторы обошли Путиловские заводы, балтийские верфи и Выборгскую сторону, проведут всеобщую забастовку для протеста против правительства, против голода, против войны.

Волнение настолько сильно, что военный губернатор столицы велел расклеить афиши, воспрещающие скопища и извещающие население, что „всякое сопротивление власти будет немедленно подавлено силой оружия“.

Сегодня вечером я даю обед великой княгине Марии Павловне и ее сыну, великому князю Борису. Другие мои гости: Сазонов, бывший посол в Вене Шебеко, княгиня Мария Трубецкая, княгиня Белосельская, князь Михаил Горчаков с супругой, супруга князя Станислава Радзивила, г. и г-жа Половцовы, граф Александр Шувалов с супругой, граф Иосиф Потоцкий с супругой, г-жа Вера Нарышкина, граф Адам Замайский и мой персонал.

Великая княгиня занимает за столом председательское место. Я сижу налево от нее, а Сазонов направо;

напротив нее великий князь, а направо от него жена моего секретаря, виконтесса дю-Альгуэ, которая заменяет хозяйку дома, а налево от нее княгиня Мария Трубецкая.

За обедом мой разговор с великой княгиней носит совершенно поверхностный характер и слова, которыми она обменивается с Сазоновым, такого же рода.

Но, вернувшись в салон, она просит меня сесть возле нее, и мы говорим более интимно. С очень убитым видом она объявляет мне, что должна послезавтра ехать в Кисловодск, на северном склоне Кавказа:

— Мне очень нужны солнце и покой—говорит она мне.—Волнения последнего времени истощили меня. И я уеду с сердцем, полным страха... Что успеет произойти до тех пор, пока я снова увижу вас? Так продолжаться не может!

— Дела идут не лучше?

— Нет. И как им идти лучше? Императрица вполне овладела императором, а она советуется только с Протопоповым, который каждую ночь спрашивает совета у духа Распутина... Я не могу вам сказать, до какой степени я упала духом. Со всех сторон я все вижу в черном свете. Я жду наихудших несчастий... Но бог не может хотеть, чтоб Россия погибла.

— Бог поддерживает лишь тех, кто борется, и я никогда не слыхал, чтоб он помешал самоубийству. А ведь то, что сейчас делает император, это настоящее самоубийство для него самого, для его династии и для его народа.

— Но что же делать?

— Бороться! Недавнее вмешательство великих князей не удалось: надо его возобновить на более широких основаниях и, разрешите мне прибавить, в более серьез-

ном, менее фрондирующем, более политическом духе... В Государственном Совете и в Думе есть, как направо, так и налево, превосходные элементы для организации сопротивления злоупотреблениям самодержавия. Если бы все благоразумные люди и патриоты, заседающие в этих двух собраниях, объединились для общего дела общественного спасения; если бы они умеренно, последовательно и твердо взялись доказать императору, что он ведет Россию к пропасти; если бы императорская фамилия сговорила, чтоб заговорить таким же языком, старательно избегая всякой тени тайны и заговора; если бы удалось создать таким образом в высших сферах государства единодушную волю к национальному возрождению, — я думаю, что Протопопов, Добровольский и вся камарилья императрицы скоро пали бы... Но надо спешить! Опасность близка; важен каждый час. Если спасение не придет сверху, революция произойдет снизу. А тогда это будет катастрофа!

Она отвечает мне только безнадежным жестом. Затем, вспомнив о своей придворной роли, где она занимает первое место, она приглашает несколько дам подойти к ней...

Понедельник, 26 февраля.

Продовольственное положение в Молдавии с каждым днем ухудшается: румынская армия получает рацион ниже нормы, а гражданское население умирает от голода.

По мнению генерала Бертело, единственным выходом было бы наступление к северу от Добруджи, которое освободило бы рукав Дуная и открыло бы таким образом путь для доставки продовольствия. Но генерал

Гурко отказывается предпринять это наступление, которое кажется ему чрезвычайно опасным и которое к тому же не согласуется с его стратегическими планами.

Румынское правительство, должно быть, понимает теперь, какую огромную ошибку оно сделало, объявив войну немецким державам и не урегулировав во всех подробностях вопрос о содействии, на которое оно могло рассчитывать со стороны русских. Не надо было ждать до 17 августа 1916 г., чтобы наспех заключить военную конвенцию; генеральным штабам русскому и румынскому следовало еще в январе 1915 года сговориться о практических условиях возможного союза; они тотчас констатировали бы, что железнодорожное сообщение между обеими странами оказывается недостаточным для военного транзита и что надо было бы, по крайней мере, утроить число путей; тогда секретно подготовили бы эту работу, собрали бы материал, скомбинировали бы весь технический механизм и всю административную организацию, которые необходимы для осуществления обширной программы перевозок.

Наконец, к стольким неосторожностям и ошибкам не следовало прибавлять внезапного, непоправимого непризнания конвенции Рудеану.

Я коснулся несколько дней тому назад этого деликатного вопроса в разговоре с Братиано. Вот резюме его тезиса, который история оценит, когда у нее в руках будут все документы:

„Военная конвенция, которую полковник Рудеану подписал в Шантийли 23 июля с. г., была лишь проектом, представленным на утверждение румынского правительства. Главные решительные переговоры продолжались в Бухаресте между генералами Илиеско и пол-

ковником Татариновым. А ни тот, ни другой никогда не имели в виду плана русско-румынского вторжения на юг от Дуная, как постановлено было в Шантийли. Впрочем, разве этот план не был очень опасен? Забравшись на болгарскую территорию, румынская армия оказалась бы в самом критическом положении, если бы немцы, успев форсировать Карпаты, отрезали бы ей отступление по Дунаю... Что касается тайных переговоров между Бухарестом и Софией, то верно, что Родославов делал Братиано косвенные заявления, предлагая нейтралитет Болгарии. Но эти предложения, в которых легко было распознать обычное коварство царя Фердинанда, едва заняли внимание румынского кабинета, и лично Братиано никогда не верил, что Болгария останется нейтральной“.

Среда, 28 февраля.

На какую ни стать точку зрения—политическую, умственную, нравственную, религиозную—русский представляет всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения.

Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости.

Такой же контраст в области религиозной. Изучая историю и теологию русской православной церкви, „истинной церкви Христовой“, приходится признать характерными ее чертами: консервативный дух, незыблемую неподвижность догмы, уважение к канонам,

большое значение формул и обрядов, рутинную набожность, пышный церемониал, внушительную иерархию, смиренную и слепую покорность верующих. Но наряду с этим мы видим в большой секте раскольников, отделившейся от официальной церкви в XVII веке и насчитывающей не меньше одиннадцать миллионов последователей, упразднение священства, суровый упрощенный культ, отрицательный и разрушительный радикализм. Бесчисленные секты, в свою очередь, отделившиеся от раскола — хлысты, духоборы, странники, поморцы, душителы, молокане, скопцы — идут еще гораздо дальше. Тут безграничный индивидуализм: никакой организации, никакой дисциплины; разнузданный разврат; все фантазии и все заблуждения религиозного чувства, абсолютная анархия.

В области личной морали, личного поведения равным образом проявляется эта двойственная натура русского. Я не знаю ни одной страны, где общественный договор больше пропитан традиционным и религиозным духом; где семейная жизнь серьезнее, патриархальнее, более наполнена нежностью и привязанностью, более окружена интимной поэзией и уважением; где семейные обязанности и тяготы принимаются легче; где с большим терпением переносят стеснения, лишения, неприятности и мелочи повседневной жизни. Зато ни в одной другой стране индивидуальные возмущения не бывают так часты, не раздражаются так внезапно и так шумно. В этом отношении хроника романтических преступлений и светских скандалов изобилует поразительными примерами.

Нет излишества, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили „утвердить свою свободную личность“.

Пятница, 2 марта.

Удар кнута, которым была конференция союзников для русской администрации или, по крайней мере, для петроградских канцелярий, уже больше не дает себя чувствовать.

Администрация артиллерийского ведомства, заводов, продовольствия, транспорта и пр. опять вернулась к своему нерадению и беспечности. Нашим офицерам и инженерам противопоставляют те же уклончивые ответы, ту же силу инерции и нерадивости, что и прежде. Можно отчаяться во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!

Суббота, 3 марта.

Мне только-что передали длинный разговор, который вела недавно императрица с вятским епископом, преосвященным Феофаном. Этот духовный сановник — креатура Распутина; но язык, которым он говорил с императрицей, свидетельствует о его свободном и серьезном уме.

Царица сначала расспрашивала его об отношении его пасомых к войне. Преосвященный Феофан ответил, что в его епископии, простирающейся на восток от Урала, патриотизм не очень пострадал: конечно, страдали от столь долгого испытания, вздыхали, критиковали, однако, готовы были вынести еще много похорон, много лишений, чтобы добиться победы. В этом отношении епископ мог успокоить императрицу... Но у него были с других точек зрения важные причины для печали и тревоги: он каждый день констатировал ужасающие успехи деморализации народа. Солдаты, прибывающие из армии, больные, раненые, отпускные, про-

поведуют гнусные идеи; они прикидываются неверующими атеистами; они доходят до богохульства и святотатства; видно сейчас, что они знали с интеллигентами и евреями... Кинематографы, которые теперь можно видеть в любом местечке, тоже являются причиной нравственного разложения. Эти мелодраматические приключения, сцены похищения, воровства, убийства слишком опьяняют простые души мужиков; их воображение воспламеняется; они теряют рассудок. Епископ этим объяснял небывалое число сенсационных преступлений, зарегистрированных за последние несколько месяцев не только в Вятской епископии, но и в соседних епископиях: в Екатеринбурге, Тобольске, Перми и Самаре. В подтверждение своих слов он показал императрице фотографии разгромленных магазинов, разграбленных домов, трупов изуверченных, с явно ненормальной дерзостью и преступностью... Он, наконец, указал на совсем недавно появившийся порок, о котором русские массы не имели даже никакого представления до последнего времени и который представляет для них гнусную привлекательность: морфий. Зло вышло из всех этих военных госпиталей, покрывающих страну. Многие врачи и аптекари приобрели привычку впрыскивать себе морфий; через них употребление этого лекарства распространилось среди офицеров, чиновников, инженеров, студентов. Вскоре и больничные служители последовали этому примеру. Это было гораздо опаснее, потому что они начали морфий продавать; все знали в Вятке кабаки, в которых производилась торговля морфием. У полиции были основательные причины для того, чтобы закрывать на это глаза...

Преосвященный Феофан заключил так:

— Средства от подобного зла надо, казалось бы, искать в энергичном влиянии духовенства. Но я, к при-

скорбию, должен признаться вашему величеству, что всеобщая деморализация не пощадила наших священников, в особенности, сельских. Среди них есть настоящие святые, но большинство опустилось и испортилось. Они не имеют никакого влияния на своих прихожан. Все религиозное воспитание народа надо начать сначала. А для этого надо прежде всего вернуть духовенству его нравственный авторитет. Первое условие—упразднить торговлю таинствами. Священник должен был бы получать от государства жалованье, которого ему хватало бы на жизнь. Тогда можно было бы запретить ему брать какие бы то ни было деньги, кроме данных добровольно на церковь или на бедных. Нужда, до которой доведен в настоящее время священник, принуждает его на позорное торгашество, которое лишает его всякого престижа, всякого достоинства. Я предвижу великие несчастья для нашей святой церкви, если ее верховный покровитель, наш обожаемый благочестивый государь скоро не реформирует ее...

В устах епископа-распутинца такая речь является знаменательным предсказанием.

Я знаю, с другой стороны, что два духовных сановника, никогда не соглашавшихся мириться с Распутиным, из числа наиболее уважаемых представителей русского епископата: преосвященный Владимир, архиепископ Пензенский, и преосвященный Андрей, епископ Уфимский, высказываются в таких же выражениях, как и преосвященный Феофан.

Вторник, 6 марта.

Петроград терпит недостаток в хлебе и дровах, народ страдает.

Сегодня утром у булочной на Литейном я был поражен злым выражением, которое я читал на лицах всех бедных людей, стоявших в хвосте, из которых большинство провело там всю ночь.

Покровский, с которым я говорил об этом, не скрыл от меня своего беспокойства. Но что делать? Железнодорожный кризис, действительно, ухудшился. Сильные морозы, которые держатся во всей России (-43°), вывели из строя, — вследствие того, что полопались трубы паровиков, — более тысячи двухсот локомотивов, а запасных труб, вследствие забастовок, не хватает. Кроме того, в последние недели выпал исключительно обильный снег, а в деревнях нет рабочих для очистки путей. В результате — 5700 вагонов в настоящее время застряли.

Четверг, 8 марта.

Весь день Петроград волновался. По главным улицам проходили народные шествия. В нескольких местах толпа кричала: „хлеба и мира“. В других местах она запевала „Рабочую Марсельезу“. Произошло несколько стычек на Невском проспекте.

Сегодня вечером у меня обедал Трепов, граф Толстой, директор Эрмитажа, мой испанский коллега, маркиз Вилласинда и около двадцати моих обычных гостей.

Уличные инциденты бросают тень озабоченности на лица и разговоры. Я расспрашиваю Трепова о мерах, которые правительство намеревается принять для снабжения Петрограда продовольствием и без которых положение рискует скоро ухудшиться. В его ответах нет ничего успокоительного.

Когда я вернулся к моим гостям, я не нашел больше следа беспокойства ни на их лицах, ни в их разговорах.

Говорят больше всего о вечере, который супруга князя Леона Радзивилла устраивает в воскресенье, который будет многолюден, блестящ и где, надеются, будут музыка и танцы.

Трепов и я посмотрели друг на друга. Одна и та же фраза приходит на уста:

— Странный момент выбрали для устройства праздника!

В группе обмениваются мнениями о танцовщицах Марининского театра, о пальме первенства таланта, которую следует отдать Павловой, Кшесинской, Карсавиной и пр.

Несмотря на то, что в воздухе столицы чувствуется восстание, император, проведший только-что два месяца в Царском Селе, выехал сегодня вечером в Ставку.

Пятница, 9 марта.

Волнения в промышленных районах приняли сегодня утром резкую форму. Много булочных было разгромлено на Выборгской стороне и на Васильевском острове. В нескольких местах казаки атаковали толпу и убили несколько рабочих.

Покровский сообщает мне о своей тревоге:

— Я придавал бы этим беспорядкам лишь второстепенное значение, если бы у моего дорогого коллеги по внутренним делам был еще хоть проблеск рассудка. Но чего ждать от человека, который вот уже много недель потерял всякое чувство действительности и который ежевечерне совещается с тенью Распутина? Еще в эту ночь он провел два часа в вызывании призрака „старца“.